

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Убийство
на бис

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использован
рисунок художника *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Убийство на бис / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-098844-0

Продюсер Анна Кристаллер организовала в своем особняке грандиозную богемную вечеринку. Актеры, балерины, журналисты — кого здесь только нет! Вокруг царит атмосфера бесшабашного праздника: смех, танцы. Шампанское льется рекой, а столы ломятся от закусок. Но вдруг один из приглашенных замечает, что хозяйки дома давно нигде не видно. Гости отправляются на поиски Анны и, к своему ужасу, обнаруживают ее мертвой в одной из гостевых комнат... Дело об убийстве продюсера поручают лучшим столичным сыщикам Гурову и Крячко. Они начинают расследование и вскоре с удивлением выясняют, что у госпожи Кристаллер был не один десяток смертельных врагов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098844-0

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

— Честно говоря, я все-таки не понимаю, для чего нам туда идти, — произнес Лев Гуров, стоя перед зеркалом и довершая последний штрих своего образа.

Он посмотрел на готовый узел галстука и небрежно затянул его. Галстук был новым, модным и смотрелся даже несколько вызывающе. Примерно десять минут назад Мария вручила ему этот шедевр и напомнила, что через полчаса им нужно выходить. Гуров собирался, но до последнего момента думал, что удастся отменить этот поход, хотя он и был запланирован еще на прошлой неделе.

— Гуров, ну это же решенный вопрос! — с досадой отозвалась Мария из спальни.

Она занималась тем, что собирала волосы в высокую прическу и скалывала их на затылке шпильками. Замечание мужа заставило ее прервать процесс и появиться в соседней комнате.

— Ты же знаешь, мне и самой не слишком хочется туда идти! — добавила она.

— Вот пример чисто женской логики! — усмехнулся Гуров. — Ты только вдумайся в логическую цепочку, выстроенную тобой. «Это вопрос решенный. Ты же знаешь, мне и самой не хочется!» Ну и где тут второе вытекает из первого или наоборот?

Мария сверкнула глазами и пристально посмотрела на мужа. Тот был невозмутим.

— Между прочим, то, что тебе не хочется туда идти, я давно понял, — продолжал он.

— Да? И из чего же сие следует? — насмешливо спросила Мария. — Из сугубо мужской логики?

— Из элементарной, — пояснил Гуров. — Достаточно взглянуть хотя бы на этот галстук. Он был приобретен в фирменном магазине, задорого, но явно спешно. В итоге в мой гардероб этот аксессуар не особенно вписывается. Слишком демонстративен. Конечно, ширпотребом его не назовешь, но это благодаря твоему врожденному вкусу. Важно и то, как ты мне его вручила: немного небрежно, с таким чувством, словно избавилась от досадной необходимости. То есть ты соблюла все, что требовалось, выбрала вещь, которая будет соответствовать этикету, но не более того. Ты его купила без души. К примеру, на мой день рождения ты не приобрела бы подобный подарок.

— Потрясающе! — усмехнулась Мария. — Вот что значит быть женой сыщика! Шерлок Холмс скромно отдыхает в сторонке, глядя на твои дедуктивные способности, и нервно курит свою трубку!

— Не язви. — Гуров улыбнулся и подмигнул жене. — В конце концов, я слишком хорошо тебя знаю. Хочу спросить без обиняков — зачем тебе это? Ты что, в самом деле собираешься принять участие в этом мюзикле?

Мария закусила губу и задумалась.

— Не знаю, — призналась она. — Возможно, да. Хотя я раньше никогда не играла в мюзиклах и вообще считала подобные проекты низкопробными для настоящей театральной актрисы.

— Так что тобой движет теперь? Неужели личные симпатии к этой Кристаллер?

— Деньги, — со вздохом сообщила Мария. — Да-да, сыщик, не удивляйся. Твоя жена, оказывается, самая обычная, вульгарная материалистка. Когда я впервые услышала об этом мюзикле, у меня и в мыслях не было соглашаться. Но стоило мне услышать сумму обещанного гонорара!.. Все, я потеряла уверенность и покой!

— Такой большой гонорар? — Гуров с интересом посмотрел на жену.

— Весьма, — кивнула та. — Под этот проект немцы выделяют просто огромные по нашим меркам средства. Во всяком случае, если сравнивать с тем, на что нам приходится ставить наши спектакли, то становится просто непонятно, как мы до сих пор вообще существуем!

— Ты станешь заниматься откровенной халтурой? Тем, что тебе претит? — удивился Гуров. — Неужели я действительно так плохо тебя знаю? Ты же неоднократно отказывалась сниматься в рекламе, хотя за это тебе тоже предлагали неплохие деньги.

— Не надо сгущать краски. — Мария махнула рукой. — Во-первых, этот проект — не такое уж дерьмо. По крайней мере, халтурой его точно не назовешь. За такие деньги вполне можно состряпать что-нибудь приличное. То, что мне предлагали за съемки в рекламе, по сравнению с обещанным гонораром кажется просто нищенским подаянием.

— А во-вторых? — спросил Гуров, внимательно наблюдая за женой.

— Во-вторых, я думаю, что мне все же необходимо расти в профессиональном плане, расширять горизонт, выходить за привычные, хорошо отработанные рамки. Мне уже не двадцать лет, и я не начинающая актриса. —

■ Мария вздохнула. — О своей работе в театре я

знаю все. Я умею это делать. Но порой надо вовремя рискнуть и перешагнуть через привычные стандарты.

— Ты опасаясь, что стареешь и не будешь получать ведущих ролей? — Взгляд Гурова стал еще более пристальным.

Мария снова вздохнула.

— Боюсь, — тихо произнесла она. — Нужно уметь смотреть правде в глаза. Я действительно старею — не спорь, пожалуйста, и не перебивай. Нужно реально оценивать объективные обстоятельства. Мы все стареем, время не стоит на месте. Мои роли, казалось бы вполне законные, будут плавно перетекать к другим актрисам, которые значительно моложе меня. Рано или поздно наступит момент, когда я, к прискорбию своему, обнаружу, что мое место занято. Может быть, это случится не завтра и даже не через пять или десять лет, но непременно произойдет. Я пойму, что все, что у меня осталось, это эпизодические безликие роли. Безымянные, знаешь, из тех, что значатся в театральных программках как «женщина на скамейке» или «мужчина с тортом». Так вот, мне совсем не хотелось бы играть их. Точнее, довольствоваться ими в случае, если получится дожить до такого.

— Пытаешься застолбить место на будущее? Занять новую нишу? Что ж, я тебя впол-

не понимаю. Более того, твои мысли разумны и рациональны. Но ведь и в мюзиклах нужны молодые актеры?

— А кто тебе сказал, что я собираюсь перекочевать с театральной сцены в мюзиклы? Я просто хочу расширить круг своих амплуа. Может быть, я вообще сменю актерскую профессию на что-то другое, не менее творческое. Вдруг я на старости лет переквалифицируюсь в художника-оформителя? — Мария рассмеялась, но смех ее прозвучал несколько нервно.

— Лучше уж в маляры. Будет кому ремонтом в кухне заняться, к которому мы третий год приступить не можем. — Гуров улыбнулся. — Ладно, будем считать, что ты меня убедила. Ради твоего будущего я вытерплю этот прием, от одного упоминания о котором у меня начинает сводить челюсти от скуки!

— Ничего, у меня есть знакомый хирург. Он тебе быстро вправит челюсть, если ты ее вывихнешь от чрезмерной зевоты. — Мария засмеялась и пошла обратно в спальню заканчивать свои приготовления к выходу в свет.

Подобные выходы они устраивали нечасто, поскольку оба, и Мария и Лев, терпеть не могли мероприятий такого рода. Но сегодня выдался особый случай. Супруги были

приглашены в гости к некоей Анне Кристаллер, гражданке Германии, но русской по национальности, приехавшей в нашу страну с творческими и деловыми планами.

Анна Кристаллер занималась претворением в жизнь различных музыкальных проектов. На ее счету было несколько постановок, имевших неплохой успех, во всяком случае среди людей, имеющих отношение к музыкальному и театральному творчеству.

Лев Гуров относился к таковым персонам лишь опосредованно, то есть через свою жену-актрису. Все эти сведения он получил тоже от нее. Мария, правда, раньше не пересекалась с Анной Кристаллер и, в общем-то, была далека от ее творчества. Это обстоятельство еще больше удивляло Льва и заставляло его задуматься о том, почему Мария вдруг решила принять предложение иностранки.

Мероприятие должно было состояться в особняке, принадлежащем Анне и стоявшем в поселке, раскинувшимся недалеко от Новорижского шоссе. Начало было намечено на семь часов вечера, и Гурову ради этого пришлось сегодня уйти с работы раньше. По счастью, никаких особо важных дел у полковника сейчас не было. Поэтому его преждевременный уход был воспринят достаточно спокойно как начальством в лице генерал-

лейтенанта Петра Николаевича Орлова, так и ближайшим другом и коллегой, таким же опером-важняком Станиславом Крячко.

Правда, тот не удержался и выдал каламбур в своей излюбленной манере:

— Наш светский Лев отбывает на светскую тусовку.

— А тебе завидно! — накидывая пальто, бросил Гуров.

— Мне? Ничуть! — тут же парировал Станислав, замотав круглой головой. — Ты знаешь, Лева, как я отношусь к подобным мероприятиям. Соберется вся эта так называемая столичная элита, богемное общество, которое на поверку на девяносто процентов состоит из ничего не значащих бездельников-снобов, с умным видом рассуждающих о вещах, в которых они ничего не смыслят! Кучка обыкновенных бездельников, живущих на деньги своих папаш, любовников или просто спонсоров!

— Статью за тунеядство у нас давно отменили, — заметил Гуров.

— И зря, — безапелляционно заявил Крячко. — Эти субчики делать ничего не умеют и не хотят, а из себя корчат неизвестно кого!

— Вот я и говорю, завидно тебе, Стас! — нарочно поддел его Гуров, пряча улыбку.

Станислав не поддался на провокацию и отказался комментировать замечание Гурова. Он лишь демонстративно поджал губы, выражая полное презрение как к кучке столичных бездельников, так и к высказываниям своего друга.

Лишь когда Лев уже взялся за ручку входной двери, Крячко бросил ему в спину:

— Смотри не зазнайся!

Гуров даже не повернулся, не стал отвечать на его шпильку и спокойно отправился домой, чтобы успеть переодеться. Только потом, уже сидя за столом перед началом банкета и незаметно наблюдая за собравшимися, он ощутил, что его друг Станислав Крячко в чем-то был прав.

Публика в доме Анны Кристаллер собралась довольно разномастная и разновозрастная. Мелькали как лица медийные, хорошо знакомые благодаря СМИ, так и совершенно неизвестные. Кое-кого из присутствующих Гурову доводилось видеть лично, однако практически ни с кем из них он знаком не был. Исключение составлял разве что Михаил Обручев, довольно молодой актер, служивший в том же театре, что и Мария. Он был задействован вместе с нею в нескольких спектаклях и пару раз даже бывал у Марии и

Льва дома, однако другом семьи не считался в силу разницы в возрасте и интересах.

Однако, увидев Марию с мужем на этом приеме, Михаил сразу же подсел к ним и завел непринужденную беседу с Марией. Суть данного разговора, как определил Гуров, сводилась к тому, чтобы выведать ее мнение насчет предстоящего участия в мюзикле и, в частности, гонорара за этот проект. Гурову данная тема была не слишком интересна, и он продолжал следить блуждающим взглядом за другими участниками мероприятия. Собственно, банкет как таковой еще не начался. Все сидели в ожидании остальных гостей.

Саму хозяйку, Анну Кристаллер, Гуров с Марией видели лишь мельком, в самом начале, проходя в широкие чугунные ворота, украшенные причудливыми коваными розами. Она презентовала им дежурную любезную улыбку, склонила голову в знак приветствия, произнесла какой-то комплимент в адрес Марии. После чего Анна плавно, широко повела рукой, предложила гостям пройти в дом и тотчас потеряла к ним всякий интерес, переключившись на вновь прибывших персон.

На входе Гуров и Мария предъявили свои пригласительные. В сущности, это была чи-

стая формальность. Ведь гости так или иначе были знакомы между собой. Ни одной совершенно посторонней личности, не известной никому из присутствующих, здесь не должно было быть по определению.

В просторном зале Гуров и Мария уселись за столом. Номера их мест были отмечены в пригласительных билетах. Они, как и все, стали дожидаться появления хозяйки банкета. Анна Кристаллер занималась встречей гостей, которые все прибывали. Одни с опозданием на пять минут, а другие и на все двадцать.

Гуров знал, что ничего вопиющего в этом нет. На подобные мероприятия не принято приходить минута в минуту, пунктуальность здесь не в ходу. Тем не менее его раздражало, что они уже добрых полчаса сидели просто так, не знали, чем заняться, и развлекались так называемой светской беседой, которую полковник считал откровенно пустой тратой времени.

— Если меньше сотки, то я даже не подумаю напрягаться, — донесся до него голос Михаила Обручева.

Гуров обратил внимание на его лицо с высокомерно оттопыренной нижней губой и подумал, что Михаил с радостью принял бы участие в проекте и за сумму, вполовину ■